

Шопенгауэр А. Размышления о государстве, политике и праве filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Шопенгауэр Артур

Размышления о государстве, политике и праве (фрагменты)

В настоящей работе изложен собственный оригинальный взгляд маститого представителя немецкой классической философии Артура Шопенгауэра на взаимоотношение морали и права. Сделана попытка раскрыть отношение философа к самым разнообразным вопросам относительно государственного устройства, его целесообразности и отношения к морали, как то: возникновение государства, необходимость государства, цели, преследуемые государством; государственное право, гражданский закон, цели, преследуемые законодательством, мораль и закон, долг; свобода воли и несвобода деяний; в связи с монополией государства на принуждение к исполнению закона и наказанием за нарушение закона рассмотрены вопросы собственно наказания, его эффективности, смертной казни, ответственности, раскаяния, неизменности характера и, в качестве дополнения, возможные пути облагораживания человечества, указанные еще Платоном. Дополнительно рассмотрены смежные вопросы несправедливости и права собственности. Ни одного слова, кроме специально оговоренных [в квадратных скобках], не добавлено. В конце каждого фрагмента (абзац, группа абзацев, подраздел) в квадратных скобках указана ссылка на номер источника по списку литературы с указанием страницы. Заголовки и подзаголовки от составителя, для структурирования текста. Дополнительно сделаны выделения ключевых слов и акцентов предложения. Документ изложен на 31 страницах машинописного текста, список использованных источников из 5 наименований.

СОДЕРЖАНИЕ: От составителя. Вступление 1 1.1. Возникновение. Общественный договор 1.2. Монархия 1.3. Необходимость существования. 1.4. Цели: охрана внешняя, внутренняя и от охранителя. 1.5. Ошибочные взгляды на цели государства. 1.6. Если бы все цели были достигнуты... 1.7. Случай уничтожения. 2. НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ И СОБСТВЕННОСТЬ 2.1. Понятие несправедливости 2.2. Величина несправедливости 2.3. Понятие собственности 2.4. Право собственности 2.5. Совершение несправедливости. 2.6. Насилие и обман. Обман насилии 2.7. Нравственная законность и обязательность договоров 2.8. Понятие долга 2.9. Естественное право. Критика Гоббса 3. ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО 3.1. Законодательство 3.2. Цель законодательства 3.3. Положительное законодательство 3.4. Содержание чистого учения о праве 3.5. Наказание и его отличие от мести 3.6. Уголовное право. Степень наказания 3.7. Гражданский закон 4. Несвобода человеческих деяний и ответственность 4.1. Понятие характера 4.2. Свобода воли и несвобода в действии 4.3. Неизменность характера 4.4. Ответственность, однако, за деяния 4.5. Совесть 4.6. Раскаяние 5. Пути облагораживания человечества ВЫВОД Использованная литература:

От составителя. Вступление Артур Шопенгауэр (1788, Данциг (Гданьск) 1860, Франкфурт-на-Майне) прожил долгую жизнь и имел редкую возможность наблюдать, как его учение, впервые изложенное в основном труде "Мир как воля и представление" в 1818 году, пролежало на полках в совершенной неизвестности около 25 лет, и, в 40-е годы заинтересовав сперва юристов, только в 50-х годах привело к невиданному росту славы: "его переводят, читают публичные лекции, начинают излагать его учение в университетских курсах. Во Франкфурте [место жительства в это время] предпринимается к нему паломничество, как к жрецу новой религии." [см. 6]. По словам самого А.Шопенгауэра: "Вечерняя заря моей жизни будет утренней зарей моей славы", и он оказался прав. Еще при жизни философа, под его редакцией, были дважды осуществлены издания полного собрания его сочинений (в 1844 и в 1859 гг.). В предлагаемой работе осуществлена подборка фрагментов по основам права в его связи с моралью из оригинальных сочинений Артура Шопенгауэра. Изречения философа даны не в оторванном от контекста виде, а с обоснованиями, чтобы нельзя было сразу их отбросить из-за присущей им неординарности, как основной черты всей его философии. Таким образом, имеется возможность "призадуматься серьезно" над следующей жизненной установкой человека: "Да,

Шопенгауэр А. Размышления о гусударстве, политике и праве filosoff.org так делают все, но хорошо ли это? Означает ли поддержка "всех" также правильность с точки зрения морали, или мораль не зависит от поступков и мнения "всех"? А чего стоит обоснование принципа "обман - это насилие", уяснение которого сразу же как бы приоткрывает "завесу" перед глазами и привносит в цепочку "насилие порождает насилие, отчего количество насилия в мире только увеличивается, а от этого страдают все, и прежде всего те самые люди, которые являются источником насилия, принесения страдания людям, поэтому насилие нельзя победить насилием, но только ненасильственным сопротивлением" важное звено. Философия Шопенгауэра отличается от всех других философских систем тем, что она и не материалистична, и не чисто идеалистична, т.е. выводится не из пустых слов типа "бытие", "субстанция", "дух" и т.д., а из чувства, ощущаемого каждым из людей. Основной пункт своей философии - ВОЛЮ - он выводит не из "созерцания тварей божьих", а из нашего с вами, присущего человеку особого чувства -самосознания следующим образом: 1. Человек, мы с вами, познает себя двояко: как познаваемое и как волящее. С одной стороны он говорит: "Ну вот он я, смотри, вот мои руки, ноги и т.д.", т.е. посредством органов чувств и познания. С другой стороны человек сознает себя как постоянно чего-то желающее, чувствует свою постоянную неудовлетворенность. Всю жизнь ему мало того, что уже у него есть и он хочет еще и еще, больше и больше, а потом оказывается, что жизнь уже прошла, что пожить не успел, а все только хотел. Разумно ли это? Некоторые только на смертном одре осознают ту простую истину, что удовлетворение одного желания порождает вслед за собой другое, и что неудовлетворенных желаний всегда остается значительно больше, так что от удовлетворения одного или двух из них легче не становится. Ребенок еще думать не умеет, а уже чего-то хочет и заявляет об этом всему свету своим криком. Отсюда: 2. Воля в человеке первична, а познание - вторично. Чего же хочет воля? Воля хочет только одного - жизни, она хочет проявляться и непроявление ее осознается как страдание. Есть ли воля в животных, растениях, насекомых и т.д.? Конечно же - есть. Разве все живое не хочет жить? Разве все живое не хочет избежать смерти и не делает все для того, чтобы не прекратилось проявление в них воли к жизни? Хочет! Признание человека не чем-то *toto genere* отличным от всего окружающего мира наводит на мысль, что: 3. Воля обладают и животные, и растения, но вся живая природа. Воля эта неразумна, она не знает, чего хочет, но ей этого и не нужно. Воля в них безусловные инстинкты, один из которых жить и делать все, чтобы не умереть. Кроме того: 4. Волю можно, в очень слабом ее проявлении, увидеть даже в неживой природе, в виде сил притяжения. Что такое сила? Физика дает ответ на вопрос, при каких условиях возникает сила и как она действует на окружающие предметы, но она так и не ответила на вопрос о причине ее существования. Да, (+) и (-) притягиваются, но почему? Так вот, в этом можно, по аналогии, узнать слабое проявление воли. Можно сказать, что желание - любовь (самое сильное проявление воли к жизни еще несуществующего индивидуума) - это сила, притягивающая его и ее, что желание владеть тем или иным предметом - это сила притяжения его с этим предметом, если ему хочется куда-то, то его туда притягивает сила и т.д. 5. Отвлечение от формы пространства и времени - простых функций человеческого мозга - уничижает множественность и оставляет Единую Волю, по-разному проявляющуюся для нашего познания. [3. и 4.] 6. Вывод. Единая воля, по-разному проявляющаяся (объективирующаяся) во всех предметах реального мира, хочет только одного проявляться, т.е. жить и не хочет умереть. В неживой природе это силы притяжения. В живой - это инстинкты, страх смерти. Наконец, в человеке - это желания. Проявляется воля не сама по себе, она только есть, присутствует во всем, но для проявления должна быть достаточная на то причина. В неживой природе это - причина в тесном смысле слова, стечение определенных обстоятельств, соблюдение определенных условий. В живой природе добавляется еще раздражимость, в животных добавляется мотивация наглядная, а у человека - плод разума - мотивация абстрактная. Вот так выводится понятие единой воли, осознаваемое каждым из нас в виде желаний, неисчислимых и неуничтожимых. Основная часть материала по основам права и связи ее с моралью взята из основного сочинения [3. 316-329, гл. 62] и дополнения к нему [1. 616-622; 2. 138-145: гл. XLVII "к этике"]. Отдельные замечания удалось разыскать в остальной части упоминаемой в списке литературы. Всего для составления реферата было внимательно просмотрено и разобрано около 2000 книжных страниц сочинений философа.

1. ГОСУДАРСТВО 1.1. Возникновение государства. Общественный договор Общий для всех индивидуумов разум, который позволяет им, в противоположность животным, познавать не только отдельные случаи, но и абстрактно постигать целое в его связи, скоро раскрыл перед ними источник этого страдания и

Шопенгауэр А. Размышления о гусударстве, политике и праве filosoff.org заставил их подумать о средствах к уменьшить его или, если возможно, устранить совсем некоей общей жертвой, которую, однако, превышала бы вытекающая из нее общая польза. В самом деле: как ни приятно эгоизму отдельного лица при удобном случае совершать несправедливость, но это имеет необходимый коррелат в перенесении несправедливости другим индивидом, испытывающим от этого большое страдание. И когда разум, продумывающий целое, отрешился от одностороннего понимания индивида, которому он принадлежит, и на мгновение освободился из-под его власти, тогда он увидел, что удовольствие, которое один индивид получает от совершения несправедливости, всякий раз перевешивается сравнительно большим страданием другого индивида; и он пошел далее, что, так как все здесь предоставлено случаю, то каждый имеет основание бояться, что на его долю будет гораздо реже выпасть удовольствие случайного причинения несправедливости, чем страдание от перенесения ее. Разум понял, что как для уменьшения тяготеющего над всеми страдания, так и для возможно равномерного его распределения лучшее и единственное средство - это оградить всех от боли перенесения несправедливости тем, чтобы все отказались от удовольствия причинять несправедливость. И вот это средство, с легкостью найденное эгоизмом, который благодаря разуму действует методически и покидает свою одностороннюю точку зрения, - это средство, постепенно усовершенствованное, и есть государственный договор, или закон. Так, как я объясняю здесь его происхождение, объяснял его еще Платон в "Государстве" (358с - 359с). Действительно, такое происхождение по самому существу своему единственное и соответствующее природе вещей; и ни в одной стране государство не могло иного другого источника, ибо только этот способ возникновения, только эта цель делает его государством, и при этом безразлично, было ли предшествующее ему в каждом данном народе состояние сбродом не зависящих друг от друга дикарей (анархия), или сбродом рабов, над которыми произвольно властвует сильнейший деспотия. В обоих случаях государства еще не было: оно возникает только в силу такого общего соглашения и в зависимости от того, в большей или меньшей степени это соглашение свободно от анархии или деспотии, и государство, соответственно, совершеннее или несовершеннее. Республики тяготеют к анархии, монархические государства деспотии; придуманный вследствие этого средний путь конституционной монархии - к господству партий. Чтобы основать совершенное государство, надо прежде создать такие существа, природа которых позволяла бы им всецело жертвовать своим благом ради блага общественного. [1. 618; 2. 141 : гл. XLVII "К этике"]. 1.2. Монархия До тех же пор возможно в этом отношении достигнуть кое-чего тем, что есть одна семья, благо которой совершенно неотделимо от блага государства, так что, по крайней мере в главном, она никогда не может способствовать одному помимо другого. На этом основывается сила и преимущество наследственной монархии. [3. 324, гл. 62] Великая ценность и основная идея королевской власти заключается, по-моему, в следующем: так как люди остаются людьми, то один из них должен быть поставлен так высоко, ему должно обеспечить столько власти, богатства, безопасности и абсолютной неприкосновенности, чтобы ему лично для себя не оставалось уже больше ничего желать, бояться и надеяться; вследствие этого присущий ему, как и всякому другому человеку, эгоизм, как бы в силу нейтрализации, уничтожается, и он, король, словно бы от был не человек, оказывается способным творить справедливость и иметь в виду уже не свое личное, а только общее благо. В этом источник того, как бы сверхчеловеческого характера, который везде сопутствует королевской власти и так бесконечно отличает ее от простой президентуры. Поэтому также королевская власть должна быть наследственной, а не выборной, - отчасти для того, чтобы заботы короля о своем потомстве могли выражаться только в виде забот о благе страны, которое вполне совпадает с благом его семьи. [1. 618; 2. 141 : гл. XLVII "К этике"]. 1.3. необходимость существования Главный источник самых серьезных зол, постигающих человека, это сам человек: человек человеку волк. Кто твердо помнит это, для того мир представляется как некий ад, который тем ужаснее дантоновского ада, что здесь один человек должен быть дьяволом для другого, к чему, разумеется не все одинаково способны, а способнее всех какой-нибудь архидьявол: приняв на себя облик завоевателя, он ставит несколько сот тысяч людей друг против друга и кличет им: "страдание и смерть - вот ваш удел: палите же друг в друга из ружей и пушек!", - и они повинуются. И вообще взаимные отношения людей отмечены по большей части неправдой, крайнею несправедливостью, жестокостью и жестокостью: только в виде исключения существуют между ними противоположные отношения; вот на чем зиждется необходимость государства и законодательства, а не на ваших умствованиях. Во всех же пунктах, которые лежат вне сферы государственного закона, немедленно проявляется свойственная человеку беспощадность по отношению к ближнему, и вытекает она

Шопенгауэр А. Размышления о гусударстве, политике и праве filosoff.org из его безграничного эгоизма, а иногда и злобы. Как обращается человек с человеком, это показывает, например, порабощение негров, (конечную целью которого служат сахар и кофе) – слишком дорогая плата за удовольствие перевести дух. [1. 599-600, 2. 68-69 – гл. XLVI "О ничтожестве и горестях жизни"]. 1.4. Цели: охрана внешняя, внутренняя и от охранителя Те, которые вместе со Спинозой отрицают, что вне государства может существовать какое бы то ни было право, смешивают средства к осуществлению права с самим правом. Охрана права, разумеется, обозначена только в государстве, но самое право существует независимо от последнего, ибо насилие может только подавить его, но не уничтожить. Вот почему государство, это – не что иное, как охранительное учреждение, ставшее необходимым вследствие тех бесчисленных посягательств, которым подвергается человек и которые он в состоянии отражать не в одиночку, а в союзе с другими людьми. Таким образом, цель государства такова: 1) Прежде всего – внешняя охрана, которая может сделаться необходимой как против неодушевленных сил природы или диких зверей, так и против людей, т.е. других народностей, хотя последний случай – самый частый и важный, потому что злейший враг человека – это сам человек: человек человеку волк. Так как ввиду этой цели народы, – правда только на словах, а не на деле – провозглашают принцип, что они всегда будут относиться друг к другу только оборонительно, а не наступательно, то возникает международное право. Последнее, в сущности, не что иное, как право естественное, сохранившее здесь, т.е. между одним народом и другим, единственную сферу своей практической действительности: только в этой области может оно распоряжаться, потому что его более мощный сын, право положительное, нуждающееся в суде и исполнителе, не может приобрести себе здесь обязательной и реальной силы. Поэтому международное право сводится к известной степени нравственной воли во взаимных отношениях народов, и поддержание этого нравственного правопорядка составляет дело чести всего человечества. Трибунал, перед которым разбираются процессы, возникающие на этой почве, это – общественное мнение. 2) Внутренняя охрана, т.е. защита членов какого-нибудь государства друг от друга, иначе говоря обеспечение частного права, осуществляемое поддержанием законного правопорядка, который заключается в том, что сконцентрированные силы всех защищают каждую отдельную личность, – отсюда возникает такой феномен, как если бы все были правомерны, т.е. справедливы, никто друг друга не хотел обижать. Но так как во всех человеческих делах устранение одного зла обыкновенно открывает дорогу к новому злу, то обеспечение этой двойной охраны влечет за собою потребность в третьей, т.е. оказывается нужна: 3) Охрана против охранителя, т.е. против того или тех, кому общество поручило блюсти охрану, – иными словами, обеспечение публичного права. Лучше всего это обеспечение, по-видимому, осуществляется тогда, когда раздробляют триединство охраняющей власти на законодательную, судебную и исполнительную, так что каждая из них поручается разным лицам и функционирует независимо одна от другой. Когда помимо этой цели охраны государству примышляет еще и другие какие-нибудь цели, то это легко может сделаться опасным для истинной цели его. [1. 617-618; 2. 139-141 : гл. XLVII "К этике"]. 1.5. Ошибочные взгляды на цели государства. То обстоятельство, наряду с правовым учением Канта, который совершенно неправильно выводит его из своего категорического императива создание государства как моральную обязанность, не раз служило и в новейшее время поводом к весьма странной и ошибочной теории, будто государство – учреждение для содействия морали, будто оно вытекает из стремления к ней и, таким образом, направлено против эгоизма. Как будто внутреннее настроение, которое только и может быть моральным или immoralным, как будто вечно свободная воля поддается модификации извне и меняется от разных влияний. Еще нелепее взгляд, будто государство служит условием свободы в нравственном смысле, а потому и моральности: ведь на самом деле свобода находится по ту сторону явления, а не только по ту сторону человеческих учреждений. [325] Государство, как я сказал, вовсе не направлено против эгоизма вообще и как такового: наоборот, оно возникло именно из сознательного и методического эгоизма, покинувшего одностороннюю точку зрения ради общей, – эгоизма всех, этой суммы частных эгоизмов; и существует оно только для того, чтобы служить ему, основанное на той верной предпосылке, что чистой морали, т.е. праведной жизни в силу моральных побуждений ожидать нельзя, иначе оно само было бы излишним. Таким образом, вовсе не против эгоизма, а только против вредных его последствий, которые вытекают из множественности эгоистических индивидов для каждого из них и нарушают их благосостояние, – только против них направлено государство, в целях своего благосостояния. [325] 1.6. Если бы все цели были достигнуты ... Если бы государство вполне достигло своей цели, то это выглядело бы так же, как если бы во всех помыслах царил совершенная правда. Но оба явления по своей внутренней сущности и происхождению были бы противоположны. А

Шопенгауэр А. Размышления о гусударстве, политике и праве filosoff.org именно, в последнем случае никто не хотел бы совершать неправды, в первом никто не хотел бы терпеть неправды, и средства достижения этой цели были бы вполне соответственные. Так одна и та же линия может быть проведена с разных сторон, и хищный зверь в наморднике столь же безвреден, как и травоядное животное. Но дальше этого предела государство идти не может: оно не в силах создать такого положения вещей, какое возникло бы из общего взаимного благоволения и любви. Ибо (мы только что видели это) как государство, согласно своей природе, не стало бы запрещать несправедливых деяний, если бы они не причиняли другой стороне страдания, и только потому, что это невозможно, оно запрещает всякий несправедливый поступок, так и наоборот, согласно своей тенденции, направленной ко всеобщему благу, оно весьма охотно заботилось бы о том, чтобы каждый испытывал на себе благоволение и дела человеколюбия, если бы и последние не имели в качестве своего неизбежного коррелата совершение акций благотворительности и любви; при этом каждый гражданин хотел бы взять на себя пассивную роль и никто не соглашался бы на активную, да и не было бы основания навязывать ее одному преимущественно перед другим. Поэтому принуждать можно только к отрицательному, которое и составляет право, а не к положительному, которое понимали под именем обязанностей любви, или безусловных обязанностей. [3. 326, гл. 62] 1.7. Случай уничтожения Мир лежит во зле - дикие пожирают друг друга, а культурные друг друга обманывают, и это называют порядком вещей. Что такое государства, со всем их искусственным механизмом внешних и внутренних отношений и их разного рода властью, как не приспособление для ограничения беспредельной людской несправедливости? Разве мы не видим на всем протяжении истории, как всякий царь, раз только он утвердился на троне и страна его пользуется некоторым благоденствием, употребляет последнее на то, чтобы со своим войском, как с шайкой разбойников, обрушиться на соседние государства? Разве все почти войны не были в сущности разбойничьими набегами? [...] "Во всех войнах дело идет о грабеже", - говорит Вольтер. [2. 327, Афоризмы житейской мудрости / В. Принципы, касающиеся нашего поведения относительно других, п.29] Принцип несправедливости, господство насилия вместо права [...], прямо есть на самом деле и фактически господствующий в природе закон, притом не только в мире животных, но и среди людей; для предотвращения его вредных последствий у цивилизованных народов применяется государственный порядок; на как только порядок этот, где и как бы то ни было, перестает существовать или может быть обойден, там этот закон природы тотчас вновь появляется на сцене. Все же время непрерывно господствует он между отдельными народами; принятый в их взаимных отношениях жаргон справедливости есть, как известно, просто дипломатический канцелярский стиль, вопросы решает грубая сила. Напротив, подлинная, т.е. невынужденная, справедливость хотя, без сомнения, и встречается, однако всегда лишь в виде исключения из этого закона природы. [5. 168: "Об основе морали", гл. 7 "О высшем принципе Кантовской этики"].

2. НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ И СОБСТВЕННОСТЬ 2.1. Понятие несправедливости в то время, как воля представляет такое самоутверждение собственного тела в бесчисленных рядах индивидов, она в силу присущего всем эгоизма легко выходит в каком-либо индивиде за пределы этого утверждения, - вплоть до отрицания той же самой воли, проявляющейся в другом индивиде. Воля первого вторгается в область чужого утверждения воли в том случае, если индивид губит или калечит самое тело другого, или же заставляет силы этого чужого тела служить его воле, а не воле, являющейся в другом теле, - другими словами, тела и таким образом увеличивает силу, служащую его воле, больше, чем это дает ему на это право сила собственного тела, - следовательно, утверждает собственную волю за пределами собственного тела, отрицая волю, являющуюся в другом теле. [316] Это вторжение в сферу чужого утверждения воли отчетливо сознавалось испокон веков, и его понятие было названо словом несправедливость. Ибо обе стороны мгновенно схватывают, в чем тут дело, правда, постигая это не в отчетливой абстракции, как мы здесь, а своим чувством. Терпящий несправедливость чувствует вторжение в сферу утверждения своего собственного тела через отрицание его чужим индивидом; он чувствует это как непосредственное духовное страдание, которое совершенно отличается и отделено от сопровождающей его физической боли, причиняемой самим деянием, или от огорчения по поводу утраты. С другой стороны, в совершающем несправедливость мгновенно возникает сознание, не *in abstracto*, а в виде темного чувства, и это называют угрызениями совести, или, ближе к данному случаю, чувством содеянной несправедливости. [3. 316, гл. 62.] 2.2. Величина несправедливости при всяком несправедливом поступке несправедливость по качеству остается той же, именно ущемлением другого, касается ли оно его личности, его свободы, его собственности, его чести. Но по количеству она может быть очень различной. Это различие в размере несправедливости - ему соответствует размер порицания, с каким к данной

Шопенгауэр А. Размышления о гусударстве, политике и праве filosoff.org несправедливости относятся. Я выставляю для нее такую формулу: величина несправедливости моего поступка равна величине зла, какое я им причиняю другому, разделенной на величину выгоды, какую я сам из него извлекаю; а величина справедливости моего поступка равна величине выгоды, какую доставит мне ущемление другому, разделенной на величину вреда, какой он при этом потерпит. [5. 214-215 : разд.II "Критика основы, указанной для этики Кантом", гл.17]. 2.3. Понятие собственности Ибо такой собственностью, которой без несправедливости нельзя отнять у человека, может быть, согласно нашему пониманию несправедливого, только то, что обработано собственными силами этого человека, так что захват этого отнимает силы его тела у объективированной в нем воли, чтобы заставить их служить воле, объективированной в другом теле. Лишь в таком случае совершающий несправедливость вторгается в сферу чужого утверждения воли, хотя и покушается не на чужое тело, а на неодушевленную, совершенно отличающуюся от него вещь: ведь с этой вещью как бы срослись и отождествились труд и сила чужого тела. Отсюда следует, что всякое истинное, т.е. моральное, право собственности первоначально основывается исключительно на обработке, как это почти всюду признавали до Канта и как это отчетливо и прекрасно выражает древнейшее из всех законодательств: "Мудрецы, сведущие в старине, объясняют, что возделанная нива составляет собственность того, кто выкорчевал лес, очистил и вспахал ее, - как антилопа принадлежит первому охотнику, который ее смертельно ранил" (законы Ману, IX, 44. 317). 2.4. Право собственности В самом деле, каким образом простое изъявление моей воли устранить других от пользования вещью - может тотчас же создать и самое право на нее? Очевидно, само это изъявление предварительно нуждается в правомерном обосновании, а вовсе не оно служит таким основанием, как это думает Кант. Да и поступает ли по существу, т.е. в моральном смысле, несправедливо тот, кто не признает этих притязаний на исключительное обладание вещью, не основанных не на чем, кроме собственного заявления? Ведь совершенно ясно, что не может быть никакого правомерного завладения, а существует только правомерное освоение, приобретение вещи путем приложения к ней первоначально собственных сил. Там, где вещь посредством какого-нибудь труда, как бы ни был он незначителен, обрабатывается, улучшается, ограждается от повреждений, хотя бы этот труд заключался только в том, чтобы срыть или выдолбить из почвы дико растущий плод, - там посягающий на эту вещь очевидно лишает другого результатов его сил, потраченных на нее, т.е. заставляет тело этого человека служить не собственной, а его воле, утверждает собственную волю за пределами ее проявления, вплоть до отрицания чужой воли, - т.е. совершает несправедливость. [318] Напротив, одно только пользование вещью без всякой ее обработки или охраны от повреждения так же мало дает права на нее, как и изъявление своей воли на исключительное владение ею. Поэтому, если какой-нибудь род в течение хотя бы целого столетия один охотился в известной местности, не сделав, однако, ничего для ее улучшения, то он не может без моральной несправедливости запретить охоту в ней чужому пришельцу, который вдруг пожелал этого. Вот отчего так называемое право преокупации, согласно которому за простое давнишнее пользование вещью требуют еще сверх того вознаграждения, т.е. присваивают себе исключительное право на дальнейшее пользование ею, в моральном отношении совершенно неосновательно. Тому, кто опирается только на это право вновь прибывший тог бы с гораздо большим правом возразить: "Именно потому, что ты уже так долго пользовался этой вещью, справедливо, чтобы теперь воспользовались ею и другие." [318] Для всякой вещи, которая не поддается никакой обработке посредством улучшения или предохранения от несчастных случаев, не существует морально обоснованного права на исключительное владение ею, кроме разве добровольной уступки со стороны всех остальных, например, в виде вознаграждения за другие услуги; но это уже предполагает построенное на договоре общежитие, государство. Морально обоснованное право собственности, как это показано выше, дает, по своей природе, владельцу такую же неограниченную власть над вещью, какую он имеет над собственным телом; из этого следует, что он путем обмена или дара может переносить свою собственность на других, которые затем владеют данной вещью с тем же моральным правом, что и он. [3. 319, гл. 62.] Право собственности возникает, на мой взгляд, только через обработку вещей. "Какое право имеет охотник на громадный лес, который он случайно обжегал, преследуя свою добычу?" [заявление северо-американского экс-президента Квинси Адамса 1840 г.]. Собственность, - это прибыль от труда и не что иное, как воплощенный труд. Это еще раз показывает, что право собственности можно обосновать только на труде, потраченном на вещи; только в этом качестве оно находит себе свободное признание и приобретает моральную оценку. Совершенно своеобразное подтверждение этой же истины дает тот моральный факт, что в то

Шопенгауэр А. Размышления о гусударстве, политике и праве filosoff.org время как закон так же строго, а в некоторых странах еще и строже, наказывает браконьерство, как кражу денег, тем не менее гражданская честь, последней навеки разрушаемая, от первого, т.е. от браконьерства, собственно, не терпит значительного урона, и браконьер, поскольку за ним нет другой вины, хотя и не считается безгрешным, но, в противоположность вору, не слывет за бесчестного и не подвергается всеобщему отвержению. Ибо принципы гражданской чести зиждутся на морально, а не на чисто позитивном праве; дичь же не есть предмет обработки, а потому не есть и предмет морально-ценного владения: право на нее имеет поэтому имеет поэтому совершенно позитивный характер и с моральной точки зрения не действительно. [1. 619; 2. 142 : гл. XLVII "К этике"]. 2.5. Совершение несправедливости Несправедливость, понятие которой мы только что разобрали в самой общей абстракции, находит себе in concreto наиболее полное, прямое и наглядное выражение в каннибализме. Непосредственно за этим идет убийство, и потому, как только оно совершится, угрызения совести, смысл которых мы только что изложили отвлеченно и сухо, мгновенно следуют с ужасающей явственностью и наносят душевному покою неисцелимую рану на всю оставшуюся жизнь; ибо наш ужас перед совершенным убийством, как и наш трепет до его совершения, соответствуют той безграничной привязанности к жизни, которой проникнуто все живое как проявление воли к жизни. По существу однородны с убийством и отличаются от него только степенью преднамеренное изуродование или простое калечение чужого тела, даже всякий удар. Далее, несправедливость проявляется в порабощении другого индивида, в принуждении его к рабству, наконец - в покушении на чужую собственность, которое, поскольку она служит плодом чужого труда, по существу однородно с предыдущей несправедливостью и относится к ней как простое калечение к убийству. [317] 2.6. Насилие и обман. Обман и насилеие Что касается совершения несправедливости вообще, то оно осуществляется либо насилеием, либо хитростью: по своему нравственному значению это одно и то же. В особенности при убийстве безразлично, пользуюсь ли я кинжалом или ядом; так же обстоит дело и при всяком физическом оскорблении. Все разнообразные случаи несправедливости могут быть сведены к тому, что я, совершая несправедливое, заставляю другого индивида служить не своей, а моей воле, действовать не по своей, а по моей воле. На пути насилеия я достигаю этого с помощью физической причинности; на пути же хитрости - посредством мотивации, т.е. причинности, прошедшей через познание; иначе говоря, я достигаю этого тем, что подставляю воле другого человека обманные мотивы, в силу которых он, думая следовать своей воле, следует моей. Так как среда, в которой находятся мотивы, есть познание, то я могу исполнить это, только совершив подлог в его познании - а это и есть обман. Своей целью он всегда имеет воздействие на долю другого, не просто на его познание как таковое и само по себе, но на познание лишь как средство, поскольку оно определяет его волю. Ибо самый обман мой, исходя из моей воли, нуждается в мотиве, а таким может быть только чужая воля, а не чужое познание само по себе, потому что оно как таковое никогда не может иметь влияния на мою волю, не может ее волновать и быть мотивом ее целей: только чужое желание и действие могут быть таким мотивом, а через них следовательно, косвенно и чужое познание. то относится не только ко всякому обману, вытекающему из явного своекорыстия, но и к такому обману, который имеет своим источником чистую злобу, жаждущую насладиться мучительными последствиями чужой ошибки, ею же вызванной. Даже обыкновенный хвастун стремится к тому, что усилив этим хвастовством уважение к себе или изменив к лучшему мнение других людей, оказать или облегчить себе большее влияние на их желания и поступки. Простой отказ в истине, т.е. в изъятии вообще, сам по себе не есть нечто несправое, но таковым является, несомненно, всякое навязывание лжи. Кто не хочет указать заблудившемуся путнику настоящей дороги, тот не совершает по отношению к нему никакого правонарушения, но его совершает тот, кто указывает ему неверный путь. [3. 320] 2.7. Нравственная законность и обязательность договоров Из сказанного следует, что всякий обман, как и всякое насилеие, есть несправедливость, ибо он уже как таковой стремится распространить власть моей воли на других индивидов, т.е. утвердить мою волю путем отрицания их воли, так же как и насилеие. Но самый настоящий обман - это нарушение договора, потому что здесь все приведенные определения присутствуют отчетливо в полном составе. Ибо когда я заключаю договор, то чужое обещанное деяние является непосредственным и признанным мотивом моего деяния, которое в свою очередь должно наступить. Обмен обязательств совершается обдуманно и формально. Правдивость сделанного каждой из сторон заявления предполагается зависящей от воли участника. Если же другой нарушил договор, то он меня обманул и, подлогом указав моему познанию неверные мотивы, склонил мою волю на сторону своего умысла, распространил господство своей воли на другого индивида, т.е. совершил полную несправедливость. Вот на чем основывается нравственная

Шопенгауэр А. Размышления о гусударстве, политике и праве filosoff.org законность и обязательность договоров. [3. 320, гл. 62.] 2.8. Понятие долга Будет уместно установить столь часто применяемое в этике, как и в жизни, понятие долга, которому, однако, дают слишком широкое толкование. Мы нашли, что несправедливость всегда состоит в нанесении обиды другому, касается ли она его личности, его свободы, его собственности или его чести. Отсюда следует, по-видимому, что всякая несправедливость должна быть положительным посягательством, деянием. Но существуют поступки, само несовершенство которых есть уже несправедливость; такие поступки называются обязанностями. Это – истинно философское определение понятия долга, которое, напротив, теряет всякую своеобразие и потому лишается смысла, если, как в прежней морали, мы будем называть обязанностью всякий похвальный образ действий, забывая, что то, что есть долг, должно быть также повинностью. Долг есть, следовательно, такой поступок, простым несовершенством которого мы ущемляем уже другого, т.е. причиняем ему несправедливость. Очевидно, это возможно только при том условии, если человек взял на себя данный поступок, т.е. именно обязался к нему. Поэтому все обязательства основаны на принятом обязательстве. Последнее есть обычно прямое, взаимное соглашение, как, например, между государем и народом, правительством и чиновниками, господином и слугою, адвокатом и клиентом, врачом и больным, вообще между всяким, кто принял на себя какого-либо рода труд, и его доверителем в самом широком смысле этого слова. Вот почему всякая обязанность дает какое-либо право, ибо никто не может обязываться без мотива, т.е. в данном случае без какой-либо выгоды для себя. Мне известно только одно обязательство, которое принимается не путем соглашения, а непосредственно самим поступком: здесь тот, перед кем его имеют, еще не был на свете, когда оно принималось, – я говорю об обязанности родителей по отношению к их детям. Кто производит на свет ребенка, тот обязан содержать его, пока он не будет способен жить самостоятельно. Ибо одним уже неоказанием помощи, т.е. бездействием, человек нанес бы ущерб своему ребенку, даже обрек бы его на гибель. Моральна обязанность детей по отношению к родителям не имеет такого непосредственного и решительного характера. Ее место заступает благодарность за то, что родители сделали больше, нежели того требовала их строгая обязанность. Однако каким отвратительным, часто даже возмутительным пороком ни представляется неблагодарность, благодарность все-таки нельзя назвать обязанностью, так как ее отсутствие не есть ущемление другого, не есть, стало быть, несправедливость. [5. 215–216 : разд. III "Обоснование этики", гл.17]. 2.9. Естественное право. Критика Гоббса Терпящий несправедливость болезненно сознает отрицание своей воли, насколько она выражается уже в его теле и его естественных потребностях, для удовлетворения которых природа отсылает его к силам этого же тела; одновременно сознает он и то, что мог бы, не совершая несправедливости, дать всяческий отпор этому отрицанию, если бы только у него хватило сил. Тот чисто моральный смысл есть единственный, который право и несправедливость имеют для человека как для человека, а не как для гражданина; этот смысл сохранился бы и в естественном состоянии без всякого положительного закона, и он составляет основу и содержание всего того, что было названо естественным правом, но что лучше было бы назвать моральным правом. [3, 322, гл. 62] В естественном состоянии от каждого зависит только то, чтобы в каждом данном случае не совершать несправедливости; но совсем не в его власти не терпеть в каждом данном случае несправедливости: последнее зависит от его случайной внешней силы. Поэтому, хотя и в естественном состоянии человечества понятия права и несправедливости имеют значение и вовсе не условны, тем не менее они значимы тогда только в качестве моральных понятий для самопознания собственной воли в каждом. Кто же хочет устранить или отвергнуть чисто моральный взгляд на человеческое поведение и рассматривать поступки только с точки зрения их внешнего влияния и последствий, тот может, конечно, вместе с Гоббсом считать право и несправедливость условными, произвольно принятыми и потому вне положительного закона даже и не существующими определениями, и мы никогда не могли бы примерами внешнего опыта убедить его в том, что не относится к внешнему опыту. [3, 322, гл. 62] Чистое учение о праве представляет, таким образом, главу этики и непосредственно относится только к действию, а не к претерпеванию, страданию. Ибо только первое есть обнаружение воли, и лишь ее рассматривает этика. Страдание – это просто факт, этика лишь косвенно может принимать во внимание и страдание, а именно только чтобы доказать, что совершаемое ради того, чтобы не пострадать от несправедливости, не является неправедным деянием. [3, 322, гл. 62] . 3. ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО 3.1. Законодательство Если таким образом, мораль имеет своим исключительным предметом справедливые или несправедливые деяния и если она в состоянии точно определять границы поведения для того, кто решится не совершать неправды, то, наоборот, государственное право, учение о законодательстве,

Шопенгауэр А. Размышления о гусударстве, политике и праве filosoff.org касается только перенесения несправедливости и некогда не стало бы интересовать несправедливыми деяниями, если бы не их необходимый коррелат – перенесение несправедливости, на которое направлено внимание права, ибо это его враг, с которым оно борется. И если бы можно было себе представить такой несправедливый поступок, с которым не связано нарушение чужого права, то государство, оставаясь последовательным, вовсе не стало бы его запрещать. Затем, так как предметом морали и единственно реальным ее содержанием является воля, помыслы, то для нее твердая решимость на несправедливый поступок, которую задерживает и парализует только внешняя сила, вполне равна действительно совершенной неправде, и перед судом морали оказывается несправедливым тот, у кого есть подобное желание. Наоборот, государство совсем не интересуется волей и помыслом как таковыми: для него важно только деяние (как покушение или как факт), вследствие его коррелата – страдания другой стороны; для него, следовательно, единственно реальным является факт, событие, тогда как намерение и помыслы рассматриваются им лишь постольку, поскольку они уясняют характер деяния. Поэтому государство никому не запретит носить против другого в мыслях убийство и яд, если только оно уверено, что страх секиры или колеса будет постоянно сдерживать осуществление таких помыслов. 3.2. Цель законодательства Точно также государство вовсе не задается безумной целью истребить склонность к несправедливым деяниям, злые помыслы: нет, просто всякому возможному мотиву к совершению неправды оно всегда стремится противопоставить, в виде неминуемого наказания, другой, более сильный мотив к отказу от нее; сообразно с этим уголовный кодекс представляет собой по возможности наиболее полный список противомотивов ко всем преступным деяниям, предусмотренным как возможные, конечно, и мотивы, и деяния намечены в нем *in abstracto* для применения в соответствующих случаях *in concreto*. Для этой цели государственное право, или законодательство, заимствует из этики ту главу, которая является учением о праве и которая вместе с внутренним смыслом правды и неправды определяет также и точную границу между обеими, – но законодательство заимствует эту главу исключительно для того, чтобы воспользоваться ее оборотной стороной, и все границы, какие мораль запрещает преступать, если не желаешь причинять неправды, оно рассматривает с иной стороны как границы, нарушение которых другими не может быть позволено, если не желаешь терпеть неправды, и от которых, следовательно, мы имеем право отгонять других; вот почему эти границы, с их, возможно, и пассивной стороны, укрепляются законами. [324] Отсюда видно, что подобно тому как историка очень остроумно прозвали перевернутым пророком, так правовед – это перевернутый моралист, и оттого правоведение в собственном смысле, т.е. учение о правах, которые мы можем требовать, является перевернутой этикой, – в той главе ее, где она учит о ненарушимых правах. Понятие неправого и его отрицания, права, сначала моральное, становится юридическим, благодаря перенесению исходной точки с активной стороны на пассивную, т.е. благодаря перестановке. [325] 3.3. Положительное законодательство Как я сказал, законодательство заимствует свое чистое учение о праве, или учение о сущности и границах права и неправого, из этики, чтобы воспользоваться ее оборотной стороной для своих целей, этике чуждых, и в соответствии с этим установить положительные законы и средство их поддержания, т.е. государство. Положительное законодательство представляет собой, таким образом, чисто моральное учение о праве, примененное с оборотной стороны. Применение это может происходить с учетом специфических отношений и условий известного народа. Но только в том случае, если положительное законодательство в существенном всецело определяется указаниями чистого учения о праве, только тогда установленное законодательство является собственно положительным правом, а государство правомерным союзом, государством в подлинном смысле слова, морально допустимым, не аморальным учреждением. В противном же случае положительное законодательство является организацией положительной неправды и само представляет собой официально признанную насильственную неправду. Такой характер имеет всякая деспотия, государственный строй большинства мусульманских стран; сюда же относятся иные стороны многих законодательств, например, крепостное право, барщина и т.п. [326] 3.4. Содержание чистого учения о праве Чистое учение о праве, или естественное право, лучше сказать – моральное право лежит в основе всякого правомерного законодательства (хотя всегда своей оборотной стороной), так же как чистая математика лежит в основе каждой из прикладных отраслей. Важнейшие пункты чистого учения о праве, как их философия должна передать законодательству рамки указанной цели, следующие: 1) объяснение подлинного внутреннего смысла происхождения понятий неправого и права и их применения и места в морали; 2) выведение права собственности; 3) выведение моральной силы договоров, так как она является моральной основой государственного договора; 4) объяснение

Шопенгауэр А. Размышления о гусударстве, политике и праве filosoff.org возникновения и цели гусударства, отношения этой цели к морали и объяснение результата такого отношения – целесообразного перенесения морального учения о праве (с его оборотной стороны) на законодательство; 5) выведение права наказания. Остальное содержание учения о праве – это лишь приложение названных принципов, ближайшее определение границ права и неправого для всех возможных житейских отношений, которые поэтому соединяются и распределяются под известными точками зрения и рубриками. В этих частных теориях все учебники чистого права в общем сходятся между собою, они весьма отличаются только в принципах, потому что принципы всегда сходны с какой-нибудь философской системой. 3.5. наказание и его отличие от мести Несомненно, что вне гусударства не существует права наказания. Всякое право наказывать основывается единственно на положительном законе, который до совершения поступка установил за него известную кару, так что страх ее в качестве противомотива должен перевешивать все возможные мотивы к совершению такого поступка. Этот положительный закон надо рассматривать как санкционированный и признанный всеми гражданами страны. Он основан, таким образом, на общем договоре, исполнять который, т.е. осуществлять наказание – с одной стороны и переносить его – с другой, обязаны все члены гусударства при всех обстоятельствах, поэтому справедливо принуждение к тому, чтобы нести наказание. Следовательно, непосредственная цель наказания в отдельном случае это исполнение закона как договора. Единственная цель закона – это устрашение перед нарушением чужих прав, ибо для того, чтобы каждый был защищен от несправедливости, люди соединились в гусударство, отказались от совершения несправедливости и взяли на себя бремя поддержания гусударства. Следовательно, закон и его исполнение – наказание – по существу своему имеют в виду будущее, а не прошедшее. В этом отличие наказания от мести, мотивированной исключительно свершившимся, т.е. прошлым как таковым. Воздавая мучениями за неправоые деяния, но не имея при этом цели в будущем, мы осуществляем месть, цель которой может состоять лишь в том, чтобы в зрелище причиненного нами чужого страдания найти себе утешение в страдании, которое вынесли мы сами. Это – злоба и жестокость, которые этически не могут быть оправданы. Несправедливость, причиненная мне другим, вовсе не дает мне права поступать несправедливо по отношению к нему. Воздаяние злом за зло без дальнейшей цели не может быть оправдано ни морально, ни каким-нибудь иным разумным основанием, и *jus talionis* [право воздаяния] в качестве самостоятельного, конечного принципа уголовного права не имеет смысла. Ни один человек не имеет права выступать в качестве чисто морального судьи и воздающего и наказывать преступления другого страданием, и отсюда библейское: "Мне отмщение, говорить Господь, и аз воздам". Но зато человек имеет полное право заботиться о безопасности общества, а это возможно только путем запрещения всех тех деяний, которые обозначаются словом "криминальные", – такое запрещение предотвращает их противомотивами, т.е. угрозой наказания; эта угроза может быть действительна, если только она исполняется в каждом случае, происходящем вопреки ей. Целью наказания, или, точнее, уголовного закона служит устрашение перед преступлением. Если какой-нибудь гусударь захочет помиловать справедливо осужденного преступника, то его министр возразит ему, что в таком случае это преступление скоро будет совершено вновь. Цель в будущем отличает наказание от мести, а такую цель наказание имеет в виду лишь тогда, когда оно налагается во исполнение закона и, поддерживает устрашающую силу закона, в чем и заключается его цель. Убийца, подлежащий, согласно закону, смертной казни, должен непременно и с полным правом рассматриваться как простое средство. Ибо он нарушил публичную безопасность, главную цель гусударства, – мало того, она низвергнута, если закон остается неисполненным: преступник, его жизнь, его личность должны теперь послужить средством. Для исполнения закона и тем самым для восстановления общественной безопасности; и он делается таким средством вполне справедливо, ради исполнения гусударственного договора, в который вступал и он в качестве гражданина и в силу которого он обеспечивал себе безопасное пользование своей жизнью, свободой и собственностью, внося в качестве залога всеобщей безопасности и свою жизнь, свободу и собственность, и теперь этот залог отбирается. Предложенная здесь теория наказания, для здравого ума непосредственна ясная, в главном конечно мысль не новая. В своих основных чертах она содержится уже в том, что говорит об этом Пуфендорф – "De officio hominis et civis" ["Об обязанности человека и гражданина"] кн. II, гл. 13. К ней же примыкает и Гоббс: "Левиафан", гл. 15 и 28. Мало того, мы находим ее уже в изречениях древних философов; так, Платон ясно излагает ее в "Протагоре", в "Горгии", наконец, в одиннадцатой книге "Законов". Сенека отлично выражает мнение Платона и теорию любого наказания в следующих немногих словах: *Ne pro prudens punit, quia peccatum est; sed ne peccetur* [Благоразумный человек наказывает не за совершение проступка, а для того, чтобы он не совершался]

Шопенгауэр А. Размышления о гусударстве, политике и праве filosoff.org впредь] (De Ira, I, 16). [З. 329, гл. 62] 3.6. Уголовное право. Степень наказания В основе уголовного права должен бы, по моему мнению, лежать тот принцип, что наказывается собственно не человек, а только поступок, – для того чтобы последний не совершился еще раз: преступник – это лишь материал, на котором карается поступок, – для того чтобы закон, в результате которого наступает наказание, сохранил свою устрашающую силу. Это и нужно понимать под выражением : "он подвергся действию закона". По воззрению Канта, которое сводится к известному принципу воздаяния, наказанию подвергается не поступок, а человек. И пенитенциарная система стремится наказать не столько поступок, сколько человека, для того чтобы он исправился. Этим она устраняет истинную цель наказания – устрашение перед поступком, – для того чтобы достигнуть очень проблематической цели исправления. Но вообще никогда нельзя одним средством стремиться к достижению двух разных целей; тем более надо сказать это о тех случаях, когда обе цели в том или другом смысле противоположны. Воспитание, это – благодеяние; наказание, это – страдание: пенитенциарная система хочет одновременно осуществить и то, и другое. Далее, как бы ни было велико то участие, которое грубость и невежество, в союзе с внешней нуждой, принимают во многих преступлениях, все-таки нельзя приписывать им главной роли, потому что бесчисленное множество других людей, живущих в той же грубости и в совершенно сходных обстоятельствах, не совершают преступлений. Главную роль в последних играет поэтому личный, моральных характер, а последний, как я это выяснил [см. ниже – прим.сост] в своем конкурсном сочинении о свободе воли, безусловно не меняется. Поэтому действительное моральное исправление даже и невозможно, – возможно только устрашение перед поступком. Наряду с этим, конечно, возможно достигнуть и того, чтобы преступник просветлел умом и чтобы в нем проснулась любовь к труду: результат покажет, насколько это возрождение продолжительно. Кроме того, из установленной мною в тексте цели наказания явствует, что, насколько возможно, мнимая тягость его должна преобладать над действительной, – между тем одиночное заключение достигает обратного. О великой муке его никто не свидетелствует, и тот, кто еще не испытал ее, совсем не может ее предвосхитить и оттого не страшится перед ней. Человеку, которого нужда и горе манят к преступлению, она грозит противоположным полюсом человеческого страдания – скукой; но, как справедливо замечает Гете: "Если ждет нас тягостная мука, Нам желанной гостьей будет скука". И для человека, находящегося в таком положении нужды, перспектива одиночного заключения так же не страшна, как и вид тех чертогаобразных тюрем, которые честные люди строят для мошенников. Если рассматривать одиночные тюрьмы как учреждения воспитательные, то остается сожалеть о том, что попасть туда можно, только совершив преступление, – лучше было бы, если бы они последнее опережали... Если, как учил Беккария, наказание должно строго соответствовать преступлению, то это основывается не на том, что первое должно служить искуплением за последнее, а на том, что залог должен соответствовать ценности того, за что он оставлен. В силу этого каждый вправе требовать в залог безопасности собственной жизни чужую жизнь; но он не вправе требовать того же в залог безопасности своего имущества, потому что для последнего достаточным залогом является чужая свобода.

Вообще, правильным масштабом для грозящего наказания являются те вредные последствия, которые желательно предотвратить, – а не служит подобным масштабом нравственная несостоятельность запрещенного деяния. При определении степени наказания наряду с размерами предупреждаемых вредных последствий необходимо принимать в расчет и силу мотивов, побуждающих к запретному деянию. Совсем другое мерило для наказания надо бы употреблять, если бы истинным основанием для него служило искупление, возмездие, "равным за равное". Но уголовный кодекс не должен быть ничем иным, как перечнем мотивов, противодействующих возможным преступным деяниям [противомотивов]; и оттого каждый из этих мотивов должен значительно перевешивать мотивы к таким деяниям, и тем в большей степени, чем сильнее тот вред, который может произойти от предотвращения законом деяния, чем сильнее искушение к последнему и чем труднее изобличение преступника; конечно, все это должно опираться на ту верную предпосылку, что воля не свободна, а определяется мотивами, – иначе к ней нельзя было бы даже подступиться. Вот что я хотел сказать по поводу своего учения о праве. [1. 620–622; 2. 142–144 : гл. XLVII "к этике"]. 3.7. Гражданский закон юстиции и полиции не всегда бывает достаточно, существуют проступки, открытие которых слишком трудно, даже такие, наказание которых ведет к сомнительным результатам, – в этих случаях, стало быть, мы лишены общественной защиты. К тому же, гражданский закон, самое большое, может побудить к справедливости, но не к человеколюбию и добрым делам уже по той причине, что тогда каждый захотел бы быть пассивной и никто не хотел бы быть активной стороной. [5. 188 :

Шопенгауэр А. Размышления о гусударстве, политике и праве filosoff.org разд. III "Обоснование этики", гл. 13]. 4. Несвобода человеческих деяний и ответственность 4.1. Понятие характера Мотив действует при условии некоторого внутреннего побуждения, т.е. определенных свойств воли, которые называются характером последней; каждый мотив дает этому характеру только определенное направление, - индивидуализирует его для конкретного случая. Характер - устойчивое и неизменное свойство воли, приводящееся в движение самыми различными мотивами, к которым он приспосабливается, отчего возникающие из него действия могут быть очень разнообразны, но при этом носят отпечаток одного и того же. [1. 352-353, - гл. XXVII. "Об инстинкте и творческом влечении".] 4.2. Свобода воли и несвобода в действии Безосновность воли, действительно, и признали там, где она проявляется наиболее очевидно, как воля человека, и назвали последнюю свободной, независимой. Но в то же время из-за безосновности самой воли прогледели необходимость, коей всюду подчинено ее проявление, и объявили действия свободными, чем они быть не могут, так как всякое отдельное действие вытекает со строжайшей необходимостью из влияния мотива на характер. Всякая необходимость, как уже сказано, только отношение следствия к причине и никак не что иное. Закон основания - общая форма всякого явления, и человек в своей деятельности, подобно всякому другому явлению, должен ему подчиняться. Но так как в самосознании воля познается непосредственно и сама по себе, то в этом сознании заключается и сознание свободы. Но упускается из виду, что индивидуум, лицо уже не воля сама в себе, а уже проявление воли, и как такое уже определено и вошло в форму явления, - закон основания. Из этого происходит та изумительная вещь, что всякий а priori [до опыта] считает себя вполне свободным, даже в своих отдельных действиях, и думает, что может каждую минуту начать новый образ жизни, что значило бы сделаться другим. Но а posteriori, по опыту, он находит, к своему удивлению, что он не свободен, а подчинен необходимости, что, несмотря на все планы и размышления, он не изменяет своих действий и вынужден с начала и до конца своей жизни проводить тот же, им самим же осуждаемый характер, как бы до конца разыгрывая принятую на себя роль. [2, 42; 3, 142 : гл. 23] 4.3. Неизменность характера В своем конкурсном сочинении о свободе воли [см. 5. 82 : гл. III "Воля перед сознанием других вещей"] я выяснил изначальность и неизменность прирожденного характера, из которого вытекает моральная прирожденность нашей жизненной работы. Это - несомненный фактор. Но для того чтобы брать проблемы во всей их значительности, необходимо время от времени резко противопоставлять друг другу противоположные моменты. На них можно убедиться, как невероятно велико прирожденное различие между человеком и человеком, как в моральном, так и в интеллектуальном отношениях. [...] Невозможно допустить, чтобы такие черты различия, которые изменяют всю сущность человека и ничем не могут быть устранены, которые, далее, в конфликте с обстоятельствами определяют все течение его жизненного пути, - невозможно, говорю я, допустить, чтобы такие черты различия были присущи их носителю безо всякой вины или заслуги с его стороны и являлись делом простого случая. Уже отсюда явствует, что человек в известном смысле должен быть своим собственным произведением. [1. 619; 2. 144-145 : гл. XLVII "К этике"]. 4.4. Ответственность, однако, за деяния Впервые Гоббс, затем Спиноза, затем Юм, а также Гольбах в "Системе природы" и, наконец, всего подробнее и основательнее Пристли настолько ясно доказали и поставили вне сомнения полную и строгую необходимость волевых актов при проявлении мотивов, что она должна быть причислена к вполне установленным истинам, так что продолжать разговоры о свободе отдельных поступков человека, о *libero arbitrio indifferentiae* [безразличной свободе воли (лат.)], могли лишь невежество и недоразвитость. И Кант, благодаря неопровержимым доводам этих своих предшественников, принимал полную необходимость волевых актов как нечто непреложное. [...] При этом, однако, остается фактом, что наши поступки сопровождаются сознанием самовласти и изначальности, в силу чего мы признаем их за наше дело и всякий с несомненной уверенностью чувствует себя действительным деятелем своих деяний и морально за них ответственным. А так как ответственность так или иначе предполагает возможность в прошлом иного поведения, т.е. свободу, то в сознании ответственности непосредственно содержится также сознание свободы. И вот найденным наконец ключом для решения этого из самой сущности дела возникающего противоречия было кантовское глубокомысленное различие между явлением и вещью в себе, составляющее глубочайшее различие между явлением и вещью в себе, составляющее глубочайшую суть всей его философии и именно ее главную заслугу. Это кантовское учение и сущность свободы вообще можно уяснить себе также, поставив их в связь с одной общей истиной, наиболее сжатым выражением которой я считаю довольно часто попадающееся у схоластов положение: "Operari sequitur esse" ["действие следует из бытия" - лат.],

Шопенгауэр А. Размышления о гусударстве, политике и праве filosoff.org
т.е. всякая вещь на свете действует сообразно с тем, что она есть, сообразно со своей природой, в которой поэтому уже *potencia* содержатся все ее проявления, наступая *actu*, когда их вызывают внешние причины, чем и обнаруживается именно сама эта природа. Это эмпирический характер, тогда как его внутреннею, недоступной опыту, последнею основою служит, *умопостигаемый* характер, т.е. внутренняя сущность данной вещи. Человек не составляет исключения из остальной природы; и у него есть свой неизменный характер, который однако вполне индивидуален и у каждого иной. Последний-то и эмпиричен для нашего восприятия, но именно поэтому он есть лишь явление; что же представляет он по своей внутренней сущности, называется *умопостигаемым* характером. Все его поступки, определяемые в своих внешних свойствах мотивами, никогда не могут оказаться иными, нежели это соответствует этому неизменному индивидуальному характеру: каков кто есть, так должен он и поступать. Вот почему для данного индивидуума в каждом данном отдельном случае безусловно возможен лишь один поступок: *operari sequitur esse*. Свобода относится не к эмпирическому, а единственно к *умопостигаемому* характеру. *Operari* данного человека с необходимостью определяется извне мотивами, изнутри же - его характером, поэтому все, что он делает, совершается необходимо. Но в его *esse* лежит свобода. Он мог бы быть иным, и в том, что он есть, содержится вина и заслуга. Ибо все, что он делает, вытекает отсюда само собою как простой королларий. Благодаря теории Канта мы освобождаемся, собственно, от основного заблуждения, которое необходимость относило к *esse*, а свободу к *operari*, и приходим к выводу, что дело обстоит как раз наоборот. Поэтому, хотя моральная ответственность человека прежде всего и видимо касается того, что он делает, в сущности же она относится к тому, что он есть, ибо, раз дано последнее, его поведение при появлении мотивов никогда не могло бы оказаться иным, нежели оно было. Но как ни строга необходимость, с какой при данном характере навязываются мотивами деяния, тем не менее никому, даже и тому, кто в этом убежден, никогда не придет в голову находить себе в этом оправдание и сваливать вину на мотивы, ибо человек ясно сознает, что здесь, судя по делу и поводам, т.е. *objective*, вполне был возможен и даже получился бы совершенно иной, даже противоположный поступок, если бы только он сам был иным. А что он, как это явствует из поступка, таков, а не иной - вот за что он чувствует себя в ответе, здесь, в *esse*, лежит то место, куда направлен бич совести. 4.5. Совесть Ибо совесть - это именно лишь из собственного образа действий получающееся и все интимнее становящееся знакомство с собственным "я". Поэтому укоры совести, возникая по поводу *operari*, все-таки направлены против *esse*. Так как мы сознаем за собою свободу, лишь через посредство ответственности, то где содержится последняя, там же должна содержаться и первая - стало быть, в *esse*. *Operari* находится во власти необходимости. Но, подобно тому как с другими, точно так же и с самими собою мы знакомимся лишь эмпирически, и у нас нет никакого априорного знания о своем характере. Напротив, мы имеем о нем первоначально очень высокое мнение, так как правило "*Quisque praesumitur bonus, donec probetur contrarium*" ["Всякий предполагается хорошим, пока не доказано противное" - лат.] имеет силу и перед внутренним *foro* [судом лат.]. [5. 180-182: разд.II "Критика основы, указанной для этики Кантом", гл.10]. 4.6. Раскаяние Нравственное раскаяние обуславливается тем, что до совершения поступка влечение к нему не оставляет интеллекту свободной арены и не дает ему отчетливо и в совершенстве рассмотреть противодействующие мотивы, а наоборот, все время навязывает ему именно такие мотивы, которые к этому поступку склоняют, когда же последнее совершится, эти настоятельные мотивы самим поступком нейтрализуются, т.е. теряют свою силу, и вот теперь действительность показывает интеллекту противоположные мотивы, ввиду наступивших уже результатов поступка, и интеллект узнает теперь, что они оказались бы сильнее своих соперников, если бы он только надлежащим образом рассмотрел и взвесил их. Человек убеждается таким образом, что он сделал нечто такое, что собственно не соответствует его воле: это сознание и есть раскаяние. Он поступал прежде не с полной интеллектуальной свободой, поэтому что не все мотивы достигли тогда действительной силы. То, что подавило мотивы, противодействовавшие поступку, это, если последний был поспешен, - аффект, если он был обдуман, - страсть. Часто бывает и так, что разум хотя и показывает человеку в абстракции противоположные мотивы, но не находит себе опоры в достаточно сильной фантазии, которая в образах рисовала бы ему всю их жесткость и истинное значение. Примерами сказанного могут быть те случаи, когда жажда мести, ревность, корыстолюбие доводят человека до смертоубийства; когда же последнее совершится, все эти мотивы угасают, и теперь поднимают свой голос справедливость, жалость, воспоминание о прежней дружбе и говорят все то, что они сказали бы и раньше, если бы только им предоставили слово. И тогда приходит горькое раскаяние и говорит: "если бы

Шопенгауэр А. Размышления о гусударстве, политике и праве filosoff.org это уже не случилось, - это не случилось, это не случилось бы никогда". [1. 616; 2. 138 : гл. XLVII "К этике"]. . 5. Пути облагорожения человечества

Если теперь нашу теорию о том, что характер наследуется от отца, а интеллект от матери, мы приведем в связь с нашей прежней мыслью о той значительной разнице, которую природа установила между человеком и человеком, а также и с нашим взглядом на полную неизменность как характера, так и умственных способностей, то мы придем к тому убеждению, что действительное облагорожение человечества может быть достигнуто не столько извне, сколько изнутри, т.е. не просвещением и наукой, а на чисто физиологическом пути размножения. Нечто подобное имел ввиду Платон, когда в пятой книге своей "Республики" набрасывал свой удивительный план, как усилить и облагородить свою воинскую касту. Если бы можно было кастрировать благородного характера предоставить целый горем, а всех умных и даровитых девушек снабдить мужьями, и притом мужьями в полном смысле этого слова, - то скоро народилось бы такое поколение, которое своим блеском затмило бы век Перикла. Но и не углубляясь в подобные утопии, все таки стоит подумать о том, что если бы в числе наказаний, как самое тяжкое после смертной казни, существовала кастрация (если не ошибаюсь, так это действительно имело место у некоторых древних народов), то из мира исчезли бы целые поколения негодяев, тем более что, как известно, большинство преступлений совершается уже в возрасте между двадцатью и тридцатью годами. [1. 544-545, - гл. XLIII. "Наследственность свойств".] В Англии кем-то было предложено кастрировать воров. Предложение не дурно. Наказание очень сурово, - оно покрывает человека позором и в то же время не мешает его способности к работе; притом, если склонность к воровству наследственна, то это последнее парализуется. От подобной кары укрощается дух человека, и ввиду того, что воровским подвигам весьма часто склоняет половой инстинкт, то отпадает и этот повод к ним. [Сообщение Лихтенберга 1804 г., см. 1. 545 сн.] . ВЫВОД Таким образом, мы признали в гусударстве средство, с помощью которого эгоизм, вооруженный разумом, старается избегнуть собственных дурных последствий, направляющихся против него самого; при этом каждый способствует благу всех, так как видит, что в общем благе заключается и его собственное. Если бы гусударство вполне достигло своей цели, то оно, все более покоряя себе и остальную природу посредством объединенных в нем человеческих сил, в конце концов уничтожило бы всякого рода беды и могло бы в известной мере превратиться в нечто похожее на страну Шларэффию (ь 158 по каноническому изданию сказок братьев Гримм). Но, во-первых, оно все еще очень далеко от этой цели; во-вторых, другие, все еще бесчисленные беды, присущие жизни, по прежнему держали бы ее во власти страдания; и если бы даже все они и были устранены, то каждое освободившееся место тотчас же занимала скука; в-третьих, гусударство никогда не может совершенно устранить распри индивидов, ибо она в мелочах досаждает там, где ее изгоняют в крупном; и, наконец, Эрида, благополучно вытесненная изнутри, устремляется вовне: изгнанная гусударственным укладом как соперничество индивидов, она возвращается извне как война народов и, подобно возросшему долгу, требует сразу и в большей сумме тех кровавых жертв, которые в мелочах были отняты у нее разумной предусмотрительностью. И если даже предположить, что, умудренное опытом тысячелетий, человечество, наконец, все это одолеет и устранил, то последним результатом оказался бы действительный избыток населения всей планеты, а весь ужас этого может себе представить теперь только смелое воображение.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!